

задачи предельного интеллектуального обобщения качественных характеристик опыта человеческого общения и универсума в целом. И тут, может быть, пора вспомнить слова Поэта:

*Поэзия, не поступайся ширью.
Храни живую точность: точность тайн.
Не занимайся точками в пункте
И зерен в мере хлеба не считай.*

Борис ПАСТЕРНАК [9, с. 306].

Вплотную подойдя к вопросу о роли архитектуры эпохи ее эстафетного лидерства в череде искусств в смыслообразовании, мы остановились, ограничиваемые рамками статьи, на том, с чего хотим продолжить предпринятое исследование в следующем номере журнала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. Психология искусства. Мн.: «Современное Слово», 1998. 480 с.
2. Гадамер Г. –Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство. 1991. 367 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: В 4 т. Т. 1. М.: Искусство, 1968. 312 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: В 4 т. Т. 2. М.: Искусство, 1969. 626 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: В 4 т. Т. 3. М.: Искусство, 1971. 621 с.
6. Лосев А. Ф. Бытие – имя – космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
7. Ницше Ф. Так говорил Заратустра; К генеалогии морали; Рождение трагедии или Эллинство и пессимизм. Мн.: ООО «Попурри», 1997. 624 с.
8. Ортега – и – Гассет Х. Веласкес. Гойя. М.: Республика, 1997. 351 с.
9. Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература, 1988. 511 с.
10. Тэн И. Философия искусства. М.: Республика, 1996. 351 с.
11. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
12. Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. 496 с.
13. Юнг К. Г. Собрание сочинений: В 19 т. Т. 15. Феномен духа в искусстве и науке. М.: Ренессанс, 1992. 320 с.

**Михаил Григорьевич ГАНОПОЛЬСКИЙ –
главный научный сотрудник Института
проблем освоения Севера СО РАН,
доктор философских наук**

УДК 62:1(571. 1)

РЕГИОНАЛЬНАЯ МИССИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ. Новое индустриальное освоение северных сибирских регионов трактуется как результат проектирования. Его методологические и социально-этические аспекты рассматриваются в региональном преломлении. В связи с экологическими последствиями проектных решений в дискуссионном порядке выдвинута идея проектной деонтологии.

New industrial development of Northern Siberia regions is treated as a result of projecting whose methodological, social and ethical aspects are considered in their regional perspective. In view of the possible ecological disturbance caused by project decisions a controversial idea of project deontology is put forward.

С начала 90-х годов за районами нового индустриального освоения, расположенными к северу от Транссиба, закрепилась характеристика «проблемные реги-

оны ресурсного типа» [1]. Означает ли смена качественного признака (индустриального на проблемный), что завершился почти сорокалетний период становления этих регионов, что поставлена точка в их индустриальной истории? Да, точка поставлена, но это точка ветвления процесса, а не его завершения, и обусловлена она неопределенностью, проблемностью современной социальной ситуации. Поэтому, какой бы сценарий постиндустриального развития регионов ни рассматривался [2], в любом случае необходим не только синтез будущих вариантов региональной динамики, но и анализ предшествующего периода, своего рода теоретический демонтаж его индустриальной основы.

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ УТОПИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

Обычно при анализе специфики индустриального освоения в северном сибирском исполнении подчеркиваются слабая заселенность территорий, их удаленность от сформировавшихся промышленных центров, экстремальность климатических условий. Действительно, ко времени начала активного промышленного освоения эта часть страны даже по сибирским меркам была очень слабо заселена. Обширные пространства считались непригодными для жизни. И все же отличительной особенностью рассматриваемого периода было отнюдь не присоединение к обжитым районам Сибири некогда безлюдных земель, поскольку их формальная колонизация уже давно состоялась. В данном случае имело место уникальное совпадение *очередной индустриализации и очередного освоения*. Сибирь в эти годы стала своеобразным инженерным центром по проведению индустриального эксперимента в натуральных условиях. Не на локальных, специально для этой цели созданных объектах, окутанных подчас дымкой военной и государственной тайны, а в массовом порядке на огромных территориях. Впервые в отечественной истории индустриальное развитие соответствовало критериям естественного процесса, по крайней мере, с точки зрения преимущественно ненасильственного характера и относительной самобытности. При этом вовлечение того или иного компактного пространства в хозяйственный оборот достигалось на основе внедрения индустрии в географическую среду напрямую, без социальных опосредований. То есть люди приезжали на новое («пустое») место, соотнося себя не столько с социальной средой, сколько с индустриальной организацией. Конечно, этому предшествовали геологическая разведка и строительный десант. Однако столь массивное внедрение могло осуществиться лишь как акт индустриальной утопии, когда упрощенность и абстрактность схем действия рассчитаны на определенный состав исполнителей, на добровольный порыв сотен тысяч людей, готовых стать агентами индустриального замысла. И главное – как и подобает современной утопии [3] – это внедрение было предварительно спланировано и спроектировано на Большой земле не только в общих чертах, но и в деталях.

Таким образом, проектирование можно трактовать как заземление (и в прямом и в переносном смысле) утопического прожекта и одновременно как некий теоретический каркас региона – предмет упомянутой реконструкции. Именно с этих позиций в данной статье анализируются некоторые аспекты проектирования как в региональном, так и в общесоциальном масштабе.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Еще недавно, два-три десятилетия тому назад, проектирование рассматривалось преимущественно как атрибут крупного промышленного производства, его опознавательный знак. Именно с прогрессом промышленности принято связывать и те изменения, которые происходили в сфере проектного труда. Если на заре индустрии проект означал предварительный документальный или материальный прототип промышленного изделия или объекта строительства, то постепенно про-

ектирование охватило и деятельность по их изготовлению или сооружению. В итоге оно вышло за рамки связующего звена между исследованием и материальным производством, превратившись в самостоятельную интеллектуальную деятельность по овеществлению знания, а затем и в самостоятельную отрасль общественного производства. Возникли крупные проектные коллективы, оформившиеся в организации индустриального образца.

Повышение авторитета проектирования проявилось и в том, что проектный способ мышления проник в фундаментальные («чистые») науки. Появились исследовательские проекты, никак не связанные с непосредственным практическим выходом. С другой стороны, проектом стали называть собственно практическую деятельность от замысла до воплощения, а не только ее интеллектуальный план. И уж совсем недавно вошли в моду издательские, вещательные и иные проекты.

В какой-то момент трансформации в предметной сфере и в статусе проектирования стали осознаваться как признаки серьезного культурного сдвига, формирования особого проектного способа общественного воспроизводства – явного программирования культурой собственного будущего. Более того, ретроспективный взгляд на истоки проектирования и его роль в культуре позволил некоторым исследователям выделить особый тип культуры – проектный, в отличие от культур канонических, где освященная веками традиция практически в неизменном виде воспроизводит образ жизни последующих поколений [4]. В дальнейшем элементом научной полемики стал вопрос о перерождении канонической культуры в проектную [5], который и в настоящее время не потерял актуальности [6].

ПРОЕКТ И ДИЗАЙН

В развитии исследовательского интереса к методологическим, гносеологическим, социально-этическим и иным аспектам проектирования можно выделить два близких, но тем не менее различных направления. Первое связано с инженерной деятельностью, изобретательством, проектно-конструкторскими разработками в области техники и технологии [7] и созвучно идее научно-технического прогресса. Второе – со сферой архитектурно-планировочных решений [8], художественного конструирования и в значительной степени соответствует идеям технической эстетики.

Такого рода различие позволяет устранить определенную двойственность понятия *проект* и тем самым рассмотреть феномен проектирования в пространственно-временных координатах. Дело в том, что, с одной стороны, проектирование привычно связывают с предвосхищением результата, с подготовительной работой, то есть так или иначе – с последовательностью действий во времени. Об этом говорит и этимология слова *проект* (от лат. *projectus* – брошенный вперед). С другой – проект рассматривается как синоним понятия *дизайн* и связан с изменением предметной среды, организацией ее топологии. В этом случае естественным образом артикулируется пространственный аспект проектирования. (Изменение диспозиции пространственного и временного аспектов нетрудно проследить в цепочке понятий *план – проект – прогноз*).

Проведенное различие важно с точки зрения региональной миссии проектирования. Проиллюстрируем это на примере аванпроекта, который закладывается в основу будущего сырьевого региона усилиями геологов. Реализуя схемы поиска и разведки залежей сырья, геологи размечают территорию, подготавливая ее к дальнейшему послойному освоению. Но при этом производится еще одна «разметка». Геологические партии, экспедиции – это одновременно и производственные коллективы, и «кочевые» поселенческие микрообщности, а сами геологи в силу особенностей своей профессии – наиболее яркие представители утопического сознания. Они не только задают региону первоначальный палаточный стан-

дарт, но и на старте процесса освоения определяют тот или иной вариант взаимодействия организационных структур – производственной и поселенческой. То есть в основу сценария жизни и деятельности людей закладывается, с одной стороны, геологическая разметка территории, а с другой – динамичные индустриальные ритмы жизнедеятельности. Такого рода производственно-поселенческая матрица и есть эскизный проект-дизайн будущего региона.

УНИФИКАЦИЯ И УНИКАЛЬНОСТЬ

В дальнейшем именно топика проекта определяет его уникальность и неповторимость. Соотношение уникального и типического (унифицированного) всегда было актуально для практики проектирования. И если в период индустриальной эйфории господствовала тенденция серийности, типичности, то теперь положение в творческой атмосфере проектного труда иное. Конечно, продолжает существовать типовое проектирование, а также коллажное проектирование «с помощью ножниц и клея», но тем не менее растет удельный вес уникальных проектов. Здесь показателен опыт работы проектно-конструкторских бюро в наукоемких отраслях, где создаются сложные единичные образцы объектов техники, технологии и строительства. И все же в соответствии с задачами работы хотелось бы обратить внимание на проекты иного рода – те, что, восприняв проведенную геологическую разметку территории, определяют исключительность и неповторимость непосредственного взаимодействия индустрии и природной среды. Как известно, в ресурсных регионах будущей облик всего многослойного пространства индустриальной деятельности, надстраивающегося над территорией, во многом задается проектом разработки месторождения. И здесь полезно прислушаться к мнению разработчиков. Как отмечает известный специалист в области разработки нефтяных и газовых месторождений Н. Л. Шешуков: «Подобный проект – всегда результат решения научной проблемы. Если проект промышленного объекта основан, как правило, на подборе существующего оборудования, известных технологий и заканчивается заявочными спецификациями, то месторождения уникальны, в них нет шаблона. Каждое из них необходимо исследовать как единичный объект» [9].

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРАНИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Рост масштабов проектирования, изменение его статуса сформировали в обществе потребность проектного подхода к большинству существенных для него систем – не только производственных, но и социальных, гуманитарных. Понятно, что любой крупный проект, к какой бы сфере он ни относился, всегда втягивает в свою орбиту огромное число человеческих связей, превращаясь тем самым в проект социальный. Тем более очевидна актуальность такого проектирования при интенсивном индустриальном освоении безлюдных земель. Однако реальное проектирование так называемой социальной сферы региона вначале ограничивалось лишь объектами социально-культурного и бытового назначения. Только в дальнейшем, когда на макросоциальном уровне все громче стали заявлять о себе различные виды внепроизводственного проектирования (социальное, социокультурное, гуманитарное), к подобным попыткам обратилась и региональная практика. Впрочем, зачастую это были лишь метафоры желаемых изменений, а вовсе не их конструктивные программы. Конечно, если рассматривать такого рода проектирование достаточно широко, то оно всегда присутствует в социальной практике либо как естественная проекция производственного проектирования и его результатов, либо как аспект социального управления. Совсем другое дело – социальное проектирование как специализированная деятельность, нацеленная непосредственно на свой предмет и обособленная от управленческой практики.

Между тем, вопрос о реальности такого проектирования был и остается болезненным. И если раньше казалось, что причина в конфликте идеолога – охранителя догматов, и социального инженера – инициатора и проводника нововведений, то теперь проясняется глубинная природа такой болезненности. Она – в специфике социального как предмета познания и преобразования. И здесь в качестве организующей методологической основы все чаще выступает идея социальной технологии.

ОТ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ К ПРОЕКТНОЙ ДЕОНТОЛОГИИ

Идея социальной технологии, выдвинутая в свое время К. Поппером в рамках концепции социальной инженерии [10], первоначально представляла собой оппозицию ортодоксальной марксистской доктрине революционного переустройства общества. Однако оторвавшись от своих концептуальных истоков, данная идея спорадически всплывает в социальном познании как исходный принцип реформирования социальных явлений и аналог социального проектирования. Присутствует она и в практике индустриального освоения северных регионов в качестве прообраза специфических алгоритмов программирования на новом необжитом месте социальных институтов и организаций. Тем не менее целесообразно вернуться к исходному мотиву концепции – отказу от самонадеянности в познании закономерностей исторического процесса.

В какой-то мере концепция социальной инженерии Поппера стала шагом на пути к снятию конфликта двух основных линий в конструктивной социологии, связываемых обычно с именами А. Сен-Симона и О. Конта (хотя истоки этих линий прослеживаются еще в античности). Линия Сен-Симона – это линия искусственности и рациональности, целенаправленный подход к созданию и функционированию социальных организаций различного уровня и масштаба. Конт, хотя и считался с необходимостью создавать организации для решения специальных задач (чаще всего экстремальных), был сторонником естественности, или, как он сам отмечал, стихийности. По его мнению, «окончательный строй, возникающий стихийно, всегда превосходит то, что создало заранее объединение людей» [11]. Противопоставление этих подходов легко просматривается в сформулированном через сто лет Поппером различии *холистской* и *частичной* социальных технологий.

Впрочем, идейный комплекс, составляющий ядро Попперовской концепции, имеет не только легко обнаруживаемые истоки в классическом социально-философском наследии Запада, но и соответствующие параллели в истории общественной мысли России. Достаточно вспомнить «теорию малых дел», вызревавшую в среде народнической интеллигенции в ответ на радикализм экстремистов, идейное содержание программных сборников «Вехи», «Из глубины» и полемики вокруг них. Эти интеллектуальные и нравственные искания не могли пройти бесследно. Анализ социологической литературы первого советского десятилетия показывает, что определенные аналоги идеи социальных технологий получили развитие уже в 20-е годы – прежде всего в работах А. А. Богданова, Н. И. Кареева, П. А. Сорокина [12]. Их общее отрицательное отношение к революционным преобразованием сочеталось с позитивными попытками обосновать умеренное социальное реформирование. Много общего обнаруживается в их методологических установках. И принципы органичного (и ограниченного) вмешательства в общественный процесс Кареева [13], и сформулированные Питиримом Сорокиным четыре канона «улучшения и реконструкции социальной организации» [14], и тектологическая триада Богданова [15] представимы как различные аспекты единого подхода, который можно определить как эволюционно-институциональный, а с позиций сегодняшнего дня и как социально-экологический. Такое впечатление усиливается за счет присутствия в работах всех трех мыслителей медицинской

терминологии при обсуждении диагноза и лечения социальных недугов (кстати, более всего у Кареева, хотя он в отличие от Сорокина и Богданова не получил медицинского образования). Все это пронизано вполне определенными нравственными принципами, созвучными императивам медицинской деонтологии. На этом последнем моменте хотелось бы остановиться подробнее.

Деонтология (учение о долге) считается частью этики. Но сформировалась она благодаря попыткам выстроить все нравственное учение на основе долженствования. Часто термин деонтология применяют в специальном смысле, когда речь идет о профессиональном долге. И здесь медицинская деонтология – наиболее известный и представительный пример. Нравственные начала деятельности врача, сформулированные почти два с половиной тысячелетия тому назад Гиппократом в его знаменитой Клятве [16], по-прежнему остаются актуальными. Показательно, что многочисленные попытки трансформировать «Клятву Гиппократа» завершались обычно лишь тем или иным ее незначительным дополнением [17]. В этом смысле медицинская деонтология развивается как особая традиция, дополняясь новыми интерпретациями применительно к конкретной эпохе, национально-культурной среде или социальной ситуации. Отечественная врачебная практика зафиксировала эти интерпретации в различных формах: в факультетском обещании русских врачей дореволюционной России, в большом количестве «Заметок», «Записок», «Воспоминаний», посвященных особенностям профессионального врачебного долга (возможно, этому способствовало и то, что врачами по профессии были многие русские писатели), в высказываниях видных деятелей отечественного здравоохранения.

Параллель между социологией и медициной, социологией и биологией характерна для начального периода формирования социологического метода. Но в отечественной традиции это отмечено и определенным экологическим звучанием. Совпадение гносеологического, этического и экологического начал в отечественной проективной социологии первой трети XX века позволяет распространить деонтологический подход на всю сферу проектирования.

ПРОЕКТНАЯ ДЕОНТОЛОГИЯ: ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ

Трактовка проектной деонтологии в качестве профессиональной этики в сфере проектирования вряд ли нуждается в специальном обосновании. Культивирование специфических норм нравственной регуляции в любой области деятельности – процесс вполне естественный. Дополнительным аргументом является то, что в современных условиях многократно повышается ответственность проектантов не только за непосредственные, но и за отдаленные результаты их труда. Региональная практика проектирования служит здесь прекрасной иллюстрацией. К сожалению, и опыт гиперпроектного подхода к становлению новых индустриальных регионов, и отмеченные выше социокультурные сдвиги в статусе проектирования почти никак не фиксируются при непосредственном эмпирическом анализе профессионально-нравственной ситуации в данной сфере. Более того, угасает «проектный фольклор», исчезают из повседневной практики уже сформировавшиеся профессионально-нравственные нормы. И все же есть надежда на актуализацию проектной деонтологии. Связано это с остротой экологической проблематики.

Тревожные предвестники экологической катастрофы, став достоянием общественной психики, по-разному действуют на людей: у одних парализуют волю и лишают их дееспособности, других приводят в состояние агрессивного исступления и провоцируют на бунт, третьих объединяют в легитимно оформленные движения протеста... Справедливо замечено, что сплотить людей перед лицом опас-

ности может некоторая позитивная идея, обещающая благо за свершение тех усилий, к которым призывает.

И все же какой бы привлекательной и перспективной ни представлялась та или иная идея, способная воодушевить массы, нельзя полностью уповать только на массовое осознание экологических проблем и путей выхода из кризисных ситуаций. Поскольку проектирование является той формой *специализированного* сознания, где явно или неявно, прямо или косвенно продуцируются и апробируются основные сценарии будущего развития, поскольку оно прочно утвердилось в качестве плацдарма большинства социальных инноваций, основной экологический акцент целесообразно сделать именно на нем. То есть, не отказываться кардинальным образом от утвердившихся социокультурных практик и их теоретических программ, а заняться поиском адекватных способов их экологизации и гуманизации.

Нельзя сказать, чтобы такой подход полностью игнорировался экологами. Но в большинстве случаев исследователи идут к проектированию от экологии, а не обобщают практический опыт собственно проектирования, не подвергают анализу его технологию. Природоохранные рекомендации носят «надзорный» характер, в то время как актуальной становится задача – посмотреть на экологические последствия проектных решений изнутри, глазами проектировщика, поддержать его позитивную мотивацию. Речь может идти о долженствовании, вплетенном в «ткань» профессиональной деятельности. Конечно, для этого необходимо стремление профессиональной группы или организации к самовыдвижению нравственных норм, к профессионально-нравственному нормотворчеству. Принцип «Не навреди!», сформировавшийся в русле медицинской деонтологической традиции, поддержанный социальной технологией, аккумулирует нравственный смысл любой специализированной деятельности и может служить надежным камертоном. Таким образом, почва для культивирования проектной деонтологии имеется, а экологическая ситуация в северных сибирских регионах и региональный опыт проектирования периода активной индустриализации могут стать основой для выдвижения программы своеобразного проектно-деонтологического эксперимента. В этом, возможно, и состоит региональная миссия проектирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблемные регионы ресурсного типа развития на территории Сибири. Доклады Всерос. конф. по экон. развитию Сибири (июнь 1993). Новосибирск, 1993.
2. Агранат Г. А. Российский Север: противоречия и надежды. ЭКО. 2000. № 1; Чилингаров А. Н., Корякин Е. М. Размышления о Севере. М., 1997; Долговременные принципы развития экономики Сибири. Новосибирск, 1996.
3. Как отмечает Л. Сарджент: «В классической утопии нравственный идеал трансцендентен, первичен, а социальная организация вторична, она служит только реализации этого трансцендентного идеала. В современной утопии главное – разумная организация. Она и есть нетрансцендентный утопический идеал» (Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 8).
4. Кантор К. М. Опыт социально-философского объяснения проектных возможностей дизайна // Вопросы философии. 1981. № 11.
5. Сидоренко В. Ф. Генезис проектной культуры // Вопросы философии. 1984. № 10.
6. Сидоренко В. Ф. Идея проектной культуры. М., 1995; Кантор К. М. Правда о дизайне. М., 1996.
7. Шубас М. Л. Некоторые гносеологические аспекты технического проектирования // Вопросы философии. 1972. № 9; Капланов М. Р. Философские и социальные аспекты проектирования техники // Вопросы философии. 1978. № 5; Гаспарский В. Праксеологический анализ проектно-конструкторских разработок. М., 1978; Розин В. М. Проектирование как предмет философско-методологического анализа // Вопросы философии. 1984. № 10 и др.

8. Здесь определенную роль сыграла концепция «общего знаменателя проектирования» В. Гропиуса, которая была творчески воспринята отечественными культурологами (Генисаретский, Кантор, Сидоренко, Щедровицкий и др.).

9. Ведомости НИИ ПЭ. Вып. 9. Тюмень, 1997. С. 25-26.

10. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. М., 1992.

11. Социология сегодня: проблемы и перспективы. М., 1965. С. 446.

12. Симонов А. Н. Концепции социальных технологий в России в 20 – 30 годы XX века. Вторая науч. сессия «Социальный механизм государственного управления». М., 1995. С. 99–102.

13. Кареев Н. И. Общие основы социологии. Пг., 1919. С. 97–98.

14. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М. 1992. С. 271–272.

15. Богданов А. А. Тектология. В 2 кн. Кн. 2. М., 1989. С. 258–267.

16. Гиппократ. Клятва. Закон о враче. Наставления. Мн., 1998.

17. Деонтология в медицине. В 2 т. М., 1989.

**Марина Георгиевна ЧИСТЯКОВА —
старший преподаватель кафедры
философии, кандидат философских наук**

УДК 7. 01

ФИЛОСОФСКАЯ МИССИЯ ИСКУССТВА АВАНГАРДА

АННОТАЦИЯ. Искусство авангарда рассматривается в статье в качестве специфической философско-художественной утопии, целью которой является прорыв к Абсолюту на основе трансформации сознания.

The article treats the art of avanguard as specific artistic utopia aimed at reaching the Absolute based on consciousness transformations.

Искусство авангарда является такой же специфической особенностью XX века, как теория относительности, психоанализ, высокие технологии. «Черный квадрат» К. Малевича стал своеобразным символом эпохи, приобрел статус классического произведения. О том, что авангард далеко не случайное явление в культуре, писал еще Х. Ортега-и-Гассет, отметивший, что в искусстве целого ряда стран с весьма различной культурой, национальными традициями, менталитетом и образом жизни в начале XX века происходят аналогичные события [10, 227]. Но и сегодня вопрос, заданный Ж. Бодрийаром по поводу авангарда: «Что таится за этим миром..? Иная форма сознания или окончательная лоботомия?» [2, 7], — по-прежнему остается открытым и ответить на него удастся, по всей видимости, лишь тогда, когда будут прояснены философские основания этого искусства. Так что же вызвало к жизни радикальный жест авангарда?

Сами авангардисты отвечают на этот вопрос более или менее однозначно. А. Бретон видит источник авангарда в чувстве неприкаянности, сокровенном чувстве ужаса, испытываемом современным ему представителем западноевропейской культуры [3, 11]. В. Кандинский в работе «О духовном в искусстве» пишет: «Наша душа, пробудившись от долгого периода материализма, таит в себе зародыш отчаянья — следствие неверия, бессмысленности и бесцельности... Из жизни вселенной стала злая бесцельная игра» [7, 11]. Дж. Дьюи назвал отчаяние главным интел-